

Наташа Стафеева была кем угодно, только не любительницей антиквариата. Пользоваться старыми вещами, принадлежавшими чужим людям, лелеять какие-то там чашки с трещинками и мертвые часы, пусть даже триста раз ценные, – это не про нее.

Она любила новую одежду, обувь только из коробки и даже у туалетной воды обязательно проверяла срок годности – чтобы не подсунили просроченную!

Треснувшую посуду Стафеева безжалостно выбрасывала, помутневшие духи сплавляла подругам, толстовки в катышках приносила в H&M «на скидку». Избавляться от предметов приятнее, чем приобретать их.

Наташа терпеть не могла сувениры и предметы интерьера, которые прискорбно часто дарят к праздникам. Вот откуда никогда не бывавшие у Стафеевой в гостях люди знают, какой у нее интерьер и какие она там хочет видеть предметы? Зачем ей может понадобиться нелепая ваза, металлическая Белоснежка с металлическими гномами? Или вот еще однажды подарили соломенные цветы, походящие на зазорные фаллосы...

Все это выносилось на помойку тем же днем.

Новая квартира Наташи в Ростокине была обставлена по минимуму и напоминала этим гостиницу. Белые стены, белый пол, на котором, к сожалению, хорошо заметна пыль, белая мебель. «Больница как-кая-то», – без восторга сказала приехавшая к ней

в гости старшая подруга. Эта подруга, Лиля Ивашевская, совсем скоро появится в нашей истории при других обстоятельствах, но пока она задействована в эпизоде и стоит на пороге Наташиной квартиры, напевая довольно чистенько:

- В комнате с белым потолком, с правом на надежду...
- На одежду! – передразнила Наташа, задетая комментарием.

Песню она при этом не опознала, так как была младшая подруга и выросла на другой музыке.

Квартиру свою новую (чужую, но это не важно) Наташа полюбила потому, что в ней было все, что нужно для жизни, – то есть почти ничего. Захламленное родительское гнездо наводило на нее ужас: Наташа выросла среди такого количества предметов, что дышать было нечем. Вещи сжимали ее в кольцо, и ощущение тесноты крепло с каждым годом. Мама и отец не умели выбрасывать вещи, потому что «их ведь можно еще куда-нибудь», «вдруг пригодятся» и «хороший человек подарил». Хорошие люди, алло! Дарить другим хорошим людям нужно деньги, сертификаты или, в крайнем случае, что-то утилитарное: съедобное или, например, косметическое.

Но люди этого почему-то не понимают. Ко дню рождения и под Новый год упорно дарят друг другу лишние предметы, которые никого, кроме сотрудников магазина, сделавшего выручку на всех этих

свечках, символах года и прочих бесполезных штуковинах, не обрадуют...

Лиля тогда приехала к Наташе в Ростокино как раз перед Новым годом – Стафеева только-только сняла ту белую квартиру и гордилась ею так отчаянно, как будто приобрела в собственность. Родители, естественно, разобиделись – что за прихоть снимать жилье, если у тебя своя комната (заваленная барахлом)? Если ты такая богатая, лучше помогла бы нам, вот не верится, дочка, что ты на такое способна... Под мамины стоны и громкое молчание отца Стафеева упаковала свой невеликий гардероб, составленный из практичных вещей, и вызвала такси.

– Как? – ужаснулась мама. – Ты что ж, совсем ничего с собой не берешь?

– Там все есть, мама.

(Вранье, ничего там не было – и это прекрасно.)

– Ну хотя бы посуду возьми! Постельное белье. Утюг! Вон там запасной, немного подгорелый, но работает же!

– Мои вещи не надо гладить, ты же знаешь. А белье и посуда есть в квартире.

Пару комплектов белья, полотенца и посуду – две тарелки, две чашки, два бокала, пару вилок с ложками, сковороду, кастрюлю и чайник – она купила накануне. Все новое, с намертво припаренными этикетками. Оттирая липкие ценники, Стафеева чувствовала себя по-настоящему счастливой.

В белой квартире было много воздуха, света и надежды.

– Все равно захламишь со временем, – качала головой Лилька, отпивая вино из бокала (одного из двух). – Невозможно жить в такой пустоте! Прямо просится чем-то заполнить.

– Не просится.

– Ну хотя бы картинку на стену повесь! У моего Сереги в магазине отличные постеры с Нью-Йорком, не хочешь? А часы? Как можно жить без часов?

Наташа показала пальцем на телефон. Можно жить без часов, еще как можно.

Тем более без постера с Нью-Йорком.

Единственным ярким пятном в квартире Стафеевой были яблочно-зеленые икейские шторы. Наташа просыпалась на рассвете и блаженствовала, глядя, как заливает белую комнату прохладный зеленоватый свет.

– Ну а книги? – Лилька никак не могла унять. – Ты ведь работник издательства!

– Именно поэтому я не хочу осквернять свою квартиру книгами.

– Осквернять? – Лиля чуть не уронила бокал, но вовремя перехватила его за тоненькую ножку. – Ну ты даешь, мать!

– Не беспокойся, книги все равно сюда проникнут, – вздохнула Наташа. – Это как раз тот случай, когда сопротивляться бессмысленно. Но пока мне хватает вот этих – она кивнула в сторону скромной полочки.

Лилька подошла к полочке.

– Библия, Шекспир, Пушкин и Даль, четыре тома. Да ты просто этот какой-то, стой!

Наташа польщенно потупилась.

– Даос! На минималочках, – не унималась подруга.

– Слушай, ну ведь я и так читаю все, что можно, на планшете. Зачем мне здесь книги?

Лиля вручила подруге пустой бокал и открыла Шекспира.

– Назови любой номер, – предложила она.

– Восемьдесят шесть, – сказала Наташа.

Номер ее новой квартиры.

– Так. Сейчас. Сонет номер восемьдесят шесть: «Но если ты с его не сходишь уст, Мой стих, как дом, стоит открыт и пуст».

– Видишь, – возликовала Стафеева, – Шекспир на моей стороне!

– Ну хоть бы портретик его в благодарность повесила, вот здесь хорошо будет! У Сереги в магазине продаются, не хочешь?

– Давай лучше я тебе теперь погадаю. Говори номер.

– Сто тридцать пять, – вздохнула Лилька. – Трудный ты человек, Стафеева.

– «Недобрым “нет” не причиняй мне боли, Желания все в твоей сольются воле».

– Ага! Шекспир и на моей стороне, получается. Недобрым «нет» не причиняй мне боли!

Стафеева не стала напоминать Лильке о том, как два месяца назад, когда они ездили в Питер на выходные, та затащила ее в антикварную лавку на Рубинштейна и буквально заставила приобрести две рюмки для яиц всмятку. Очень уродливые были те рюмки, керамические, с прилепленными собачьими мордами – сделаны, как пояснил продавец, в 1950-х годах. Это ж сколько людей ими пользовалось, уныло подумала Стафеева, но рюмки все-таки купила, чтобы сделать приятное подруге. И продавцу, который вел себя очень приветливо и рассказал уйму ненужных фактов, пока Лилька выбирала себе какие-то юзанные броши. О том, что каслинское литье в последние годы поднялось в цене, надо очень внимательно смотреть на клейма. О том, что если в квартире жили пятнадцать лет, не делая ремонт, то там вполне могут найтись ценные

Влюблялась Таня при этом всегда капитально — она служила своим мужчинам, заботилась о них лучше родной матери, угождала так, что дышать становилось нечем, — и мужчины, вначале разлакомившись, постепенно сдавали позиции.

вещи. О том, что на днях он был в доме на Литейном, хозяин которого скончался в возрасте девяноста пяти лет, и нашел там несравненной красоты зеркало — вызвавшие антиквара наследники сказали, что совершенно точно не станут заморачиваться с его продажей и пусть он спокойно забирает зеркало себе.

— Ушло в тот же вечер! — сказал продавец, упаковывая уродливые рюмки так бережно, словно это были яйца Фаберже.

Естественно, Стафеева выбросила их в тот же вечер — даже не распаковав, пока Лилька ездил к родственникам на Васильевский.

Новый год Наташа встречала с родителями, но сразу после ритуала с подарками, шампанским и Президентом отбыла в свою белую квартиру. Мама и папа уже не ворчали — смирились.

Дома Стафеева первым делом подошла к окну, чтобы задернуть яблочно-зеленые шторы, и засмотрелась на снег, которого безуспешно ждали весь декабрь, а он вот начал падать только сейчас: и так торопливо, так густо, как будто извинялся за опоздание...

А наутро позвонила Лилька.

— Еще раз с Новым годом, конечно, — сказала она, — но тут, в общем, это... Умерла...

Связь пропала. Наташа передумала всякое, пока сигнал восстанавливался — и с облегчением, за которое теперь ей, конечно, стыдно, услышала в конце концов, кто умер.

Это оказалась первая свекровь Титании. Скончалась эта неизвестная Стафеевой женщина, кстати, не в новогоднюю ночь, а две недели назад.

Титания — вторая старшая подруга Наташи, прозвище которой, кстати, она и придумала. Таня-Титания обладала довольно-таки распространенной для родных широт способностью неудачно влюбляться — что первым, что второй, что ныне действующий муж плюс целая когорта «мерцающих» любовников: и никого стоящего! (Здесь можно было бы пошло пошутить, но мы не будем.) Влюблялась Таня при этом всегда капитально — она служила своим мужчинам, заботилась о них лучше родной матери, угождала так, что дышать становилось нечем, — и мужчины, вначале разлакомившись, постепенно сдавали позиции. Соответствовать Таниному размаху мужчины не могли (какие-то другие, вероятно, справились бы, не будем тут делать смелых неоправданных обобщений, но вот конкретно эти — нет), а некоторые даже и не пытались. Широта Таниной души, ее милосердие, ее слепая влюбленность перекрывали любые попытки дать ей хоть что-то в ответ. Даже подарков она почему-то не принимала и отказывалась в попытках проявить рядовую заботу — а сама то и дело совершала подвиги во имя очередного Миши или Славы: находила им работу и хороших врачей (порой она даже искала работу и врачей для их жен и детей!), утешала в грустную минутку, в общем, по грубоватому выражению Лильки, «давала сиську по любому поводу».

Наташа познакомилась с Титанией в эпоху предпоследнего любовника, плавно перешедшую в эру ныне действующего мужа, который, кстати, судя по некоторым оговоркам, уже готовился перейти в разряд бывших (долго жить рядом с такой прекрасной женщиной было невыносимо — уж слишком явственно выпирали на таком фоне мужские недостатки: и здесь тоже можно пошутить, но воздержимся).

Стафееву тогда, помнится, поразила удручающая неприглядность обоих — эти в равной степени потертые мужички выглядели на фоне симпатичной молодежьей Тани настолько убого, что Наташа, компаный специалист по Шекспиру, воскликнула однажды:

— Ты как Титания из «Сна в летнюю ночь»! Влюбляешься в ослиные головы!

Прямолинейная, но при этом нежная сердцем Лилька долго ругала потом Стафееву за бестактность. А вот Таня, кстати, вовсе даже не обиделась — и стала откликаться на Титанию. Правда, не сразу.

В общем, все это, конечно, прекрасно (хотя и не очень), но непонятно, почему смерть первой свекрови Титании имеет какое-то отношение к Лильке и тем более к Наташе. Ну скончался человек, жаль его, конечно, царствие небесное и все такое. Но тут вообще-то первый день долгожданных каникул!

Телефонная связь внезапно установилась такая хорошая, что Лилька на расстоянии уловила Наташино недовольство. Возможно, кстати, что связь была хорошая потому, что Наташа стояла у окна с яблочно-зелеными шторами: здесь всегда хорошо ловит.

– Она оставила Семену квартиру по завещанию, – сказала Лилька. – Надо срочно освободить помещение, потому что Семен будет делать там ремонт – он уже бригаду нашел, в праздники это, сама понимаешь...

– И при чем же здесь мы? – Наташа, разумеется, помнила, что единственного сына Титании от всех ее мужей и любовников зовут Семеном и что Семен этот лет на шесть от силы моложе самой Стафеевой.

Логично, что бабушка завещала квартиру внуку. Можно, конечно, вяло порадоваться за нового хозяина квартиры – так же вяло поскорбев о кончине хозяйки, но дальше-то что? Сколько еще стоять у окна в пижаме?

– При том, что надо помочь Таньке разобрать вещи в квартире. Она отдает все подряд, ничего мне, говорит, из того дома не нужно. Вроде бы свекровь ее не любила.

– Не верю, ее все любили, – сказала Наташа. – Все свекрови и все мамы любовников.

Это, кстати, было правдой. Титания после расставания с каждой ослиной головой сохраняла милейшие отношения с женщинами, которые произвели ее мучителей на свет, – навещала в больницах, поздравляла с праздниками, одной даже связала тапочки крючком. Тапочки! Крючком!

А эта вот, значит, не любила.

– Что, прямо сегодня надо ехать? – тоскливо спросила она.

– Да, Наташечка, прямо сегодня. Даю тебе час на кофе с душем – а потом дуй в Митино.

Еще и в Митино!

– Хорошо начинается Новый год, – ворчала Стафеева, заправляя кровать по линеечке. – Могла бы спросить вначале: может, у тебя планы на сегодня, Наташа? Может, ты хотела спать до вечера, а потом дочитать, наконец, новый роман Боярышникова, который ни разу не Шекспир, но стоит в плане издательства на март?..

Прозаик Боярышников – это был персональный кошмар Наташи Стафеевой, тоже на свой лад пытавшийся захлестнуть ее мир. И мир читателя. И свои собственные тексты.

Конечно же, книги должны и могут быть разными. Боярышников имеет право писать так, как дышит – прерывисто, хрипло и громко. Кого интересует, что редактор Стафеева, рядовая лошадка большого издательского дома, любит просторные тексты, где метафоры отмеряют гомеопатическими горошками на ложках, а прилагательным объявлен последний и решительный бой? Боярышников упрямо впихивал по три прилагательных подряд в каждую фразу – они там ну никак не удерживались, норовили соскользнуть и забыться: но автор бдительно отслеживал все свои «ровные, белые, восхитительные зубы» и «нежные, теплые, розовые губы, напоминавшие тугой бутон».

Каждую новую книгу Боярышникова ждало ровно то же самое, что предыдущие, – громкая презентация, два-три интервью, молчание критиков и минимальные продажи. Но издательство, где трудилась Наташа, терпеливо публиковало его новые опусы – потому что где-то там, наверху, у Боярышникова имелись настолько прочные связи, что ими можно было бы задуть кого-нибудь при надобности: как проводами.

Новый год еще сам себя не осознал – шли его первые сутки. По пути на автобусную остановку в сей безжалостный час Стафеева встретила только собачников, терпеливо выгуливающих питомцев, – почему-то сегодня утром попадались сплошные шпицы.

В автобусе было тоже не сказать чтобы оченьлюдно, странно, что он вообще ходил и пришел. А в метро Наташа совсем загрустила. Надо было отказать Лильке – что это такое, вообще, вытаскивать людей из теплой постели первого января?

Топоча по переходу, Стафеева вспомнила широкую Лилькину улыбку и пробормотала:

– Где грифель мой? Я это запишу, что можно улыбаться, улыбаться и быть мерзавцем...

Перегоны между станциями в этой части синей ветки Наташа не любила – они были, по ее мнению, уж слишком длинными. Было неуютно находиться в туннеле: казалось, что это затянувшийся аттракцион, в котором она согласилась участвовать из глупой отваги. К тому же в вагоне она была одна – никто не хотел ехать сегодня в Митино, у всех нашлись более интересные дела. Даже голос, объявляющий станции, звучал как-то издевательски –

следующая станция «Строгино»... «Мякинино»... «Волоколамская»...

Из метро Стафеева вывалилась такой уставшей, как будто уже разобрала вещи не в одной квартире, а в нескольких. Проверила адрес, который прислала Ивашевская, – нужный дом находился в переулке Ангелов.

«Какие уж тут ангелы», – ворчала про себя Наташа, шагая по Митинской улице. Читала по редакторской привычке все, что было написано на вывесках и заборах (а не выпал бы снег, так и на асфальте). Аптека, ломбард, разливное пиво, пицца, банк, салон женского белья, сладкая экзотика, домашний текстиль – вывески, как плечами, теснили одна другую. По части торговых центров Митино превзошло все окраины – мало того, что здесь работал радиорынок, так еще и на каждом углу подмигивал то синим, то красным неонем очередной торговый центр.

Раньше это была деревня. В деревнях люди объединялись в храмах, а теперь – в храмах торговли.

Москва, подбиравшая окрестные деревни, как юбки, внезапно снова стала распадаться: теперь уже не деревни, но спальные районы стали особыми географическими единицами, жители которых отличались от соседей укладом и даже чем-то вроде местных традиций. Общей была удаленность от центра, семнадцатипятиэтажные дома-ширмы 1990-х и неприменные качели у метро.

Окна в домах сияли разными цветами – не так, как в Наташином детстве. Были желтые традиционные, белые энергосберегающие, ядовито-розовые – там использовали лампы особой подсветки для комнатных растений (по слухам, бессмысленные), синие – где гулял вечный праздник новогодних гирлянд.

Переулок Ангелов сворачивал от Митинской влево... Возможно, здесь кому-то в незапамятные времена явился ангел*? Или тут жил какой-то выдающийся болгарин по имени Ангел? Русский по фамилии Ангелов?

Стафеева была так чувствительна к топонимам, что это граничило с манией. Надуманной к тому же. Когда она в сентябре начала искать квартиру – а это нелегко, попробуйте сами снять жилье в Москве, когда параллельно с тобой по рынку рыщут неутомимые и никогда не спящие родители первокурсников со всей России! – то отвергла прекрас-

ный вариант у «Динамо» только потому, что улица называлась 3-я Бебеля.

– Не могу я жить на третьей Бебеля! – Стафеева сказала как отрезала и в следующий раз просто отказывалась смотреть квартиры, расположенные на неблагозвучных улицах.

Титания, рекомендовавшая ту самую Бебеля, всерьез обиделась и отказалось участвовать в дальнейших поисках.

Улица Рочдельская звучала тоже не идеально, но все-таки прошла первичный отбор – к сожалению, там были другие проблемы. Квартиру сдавала родственница умершей генеральши: это было Наташе не по средствам, сразу ясно. Но родственница настаивала – хотя бы посмотрите! Она была тоже подругой или коллегой: Стафеева теперь уже не могла вспомнить, чьей.

Громадная квартира, заставленная, как с перепугу показалось Наташе, чучелами и зеркалами, выходила окнами на Белый дом.

– Если что, пригнешься, – шепнула Лилька, которую Стафеева попросила съездить на смотрины вместе.

Вазы, канделябры, плюшевые диваны – и повсюду вещи прежней хозяйки, которые пока никто не собирался вывозить и раздавать. Шкафы ломились от платьев, платья пахли духами – и, возможно, духами.

Еще стоя на пороге, Наташа поняла, что не сможет здесь жить, – и с облегчением услышала неподъемную цену, которую назначила родственница.

– Зачем она вообще нас сюда зазывала? – возмущалась Лилька на пути к метро.

– Не знаю, – пожалала плечами Наташа. – Может, ей просто хотелось похвастаться? У нас вот с тобой нет таких квартир, а у нее – есть.

Лилька промолчала, значит – согласилась.

Добрых три месяца (ей они показались злыми) Стафеева моталась по разным концам Москвы. А потом, как по волшебству, подвернулась идеально пустая белая квартира на Малахитовой улице – Наташа по чистой случайности ухватила ее первой, потому что позвонила, как только вывесили объявление. В чем была, помчалась на встречу с хозяйкой, прихватив с собой все документы и залог за два месяца. Красилась в метро, чтобы произвести хорошее впечатление, – но хозяйку квартиры Наташина красота интересовала в меньше степени, чем платежеспособность.

«Но улица Ангелов тоже неплохо звучит», – признала Стафеева, сворачивая во двор вроде бы нужного дома.

* Наташина версия ошибочна – переулок Ангелов получил свое название по московской деревне Ангелово (оно первично), а вот являлись ли кому-то ангелы в деревне Ангелово, доподлинно неизвестно.

Домофон чирикнул, и дверь, не ответив, открылась. Пятый этаж, из лифта направо.

Наташа толкнула дверь и очутилась посреди всех своих ночных кошмаров разом.

– Не разувайся, – махала руками Лилька, кое-как различимая из-за терриконов книг.

– Я и не думала, – сказала Стафеева, пытаясь пристроить свой пуховик поверх зыбкой пирамиды из разномастных коробок.

Титания нашлась в кухне – еще сильнее, чем всегда, озабоченная, она складывала стопками какие-то тарелки.

– Бери все, что понравится, – сказала вместо приветствия. – Мне отсюда ничего не нужно.

– И мне не нужно, – отозвалась Стафеева. – Покажи лучше, что надо делать.

Она как-то занервничала в этой квартире, почувствовала себя вдруг маленькой девочкой. Мать часто просила ее помочь с чем-нибудь, но на качество этой помощи сердилась – дочь все делала не так, как нужно, и финал был вечно такой: мама выполняла работу одна, а Наташа переминалась с ноги на ногу, тоскливо мечтая о том, когда все это закончится и можно будет вернуться в свою интересную жизнь.

– Ну вот цветы надо вынести вниз, на почтовые ящики.

Цветов было много – огромные, разросшиеся, явно любимые, они лезли из горшков с какой-то яростью. Один из них (Наташа не слишком разбиралась в комнатных растениях) отрастил такие «волосы», что они доставали до пола. Наташ взяла горшок с длинноволосым растением, и с него тут же посыпались сухие листики.

Почему-то ей стало жаль этот цветок – и хозяйку, которая умерла, оставив после себя столько никому не нужных вещей.

(После меня останется самый минимум, пообещала неизвестно кому Стафеева, придерживая ногой входную дверь.)

У почтовых ящиков она столкнулась с Аней Капитоновой, работавшей вместе с ними в медиахолдинге до того, как Наташа ушла в издательство. Судя по всему, Ивашевская мобилизовала всех своих знакомых. Просто Виктор Цой какой-то, подумала бы Наташа, будь она постарше лет на пятнадцать, – Цой мог собрать полный зрительный зал за час до концерта, но Наташа была из другого поколения и подумала другое: Лилька все-таки страшный человек! – Куда ты его тащишь, бедолагу? – запричитала сердобольная Аня, выхватывая из рук Стафеевой длинноволосый куст.

– Титания сказала, на ящики.

– Да пропадет он тут! Никто не заберет!

– Ну некоторые же оставляют в подъезде... Для красоты.

– Красота невозможная, – скептически сказала Аня, но все-таки водрузила горшок поверх почтовых ящиков и даже как бы причесала его, сделав максимально привлекательным для новых хозяев. Может, кто-нибудь соблазнится.

Поднялись в квартиру. Капитонова тут же принялась оплакивать другие горшки, но поскольку забрать их себе она при этом не предлагала, то никто ее особо не слушал. Наташа, радуясь, что нашла себе хоть какое-то занятие, перетаскала вниз все цветы и превратила почтовые ящики в нечто вроде зимнего сада, какие обычно бывают в пансионатах средней цены. Ей, как в детстве, хотелось спросить, можно ли уйти, но детство давно прошло, а дружбу, как уже говорилось выше (или только подумалось), никто не отменял.

Лилька колдовала над какими-то тряпками, в которых угадывались уже раскроенные платья – видимо, хозяйка шила. Ну конечно же, шила: в углу большой комнаты стоит «Зингер».

– Машинку я заберу, – предложила Аня. – У меня страшеет.

– Забирай, – согласилась Титания. – Вообще все забирайте, только скорее решайте, что кому, – в шесть часов приедут грузчики. Попробую всучить им ковры. Никому ковры не нужны, девочки? – Один можно у ящиков постелить, – сказала Стафеева.

– Точно! – обрадовалась Титания. – Вот и займитесь с Капитоновой.

«Интересно, а почему счастливый хозяин квартиры не участвует в разборе квартиры?» – думала Наташа, скатывая пыльный ковер в рулон. Аня в это время звонила своей взрослой дочери, просила, чтобы та приехала за «Зингером» в переулок Ангелов, – но дочь сказала, что вызовет маме грузовое такси.

Наверное, и Семен самоустранился из нежелания участвовать в этом пиршестве воронов (почему-то Стафеевой пришло в голову сравнение в духе писателя Боярышников). Наташа хихикнула, глядя на своих подруг, целеустремленно раскапывающих завалы вещей. Они напоминали давно-давно виданных в парижском универмаге Tati покупательниц: те буржуазные французские дамочки орудовали в ящиках уцененного белья с такой же страстью.

Удивительно, но Стафеевой вдруг тоже стало интересно заглянуть в какой-нибудь ящик комода – всего лишь заглянуть, не более того.

Вдвоем с Аней спустили вниз ковер, попытавшийся упасть по пути на Стафееву. Вывалились из лифта почти веселые, долго выравнивали ковер на полу. Капитонова сказала, что заодно покурит, Наташа вышла с ней на улицу за компанию. В переулке Ангелов было снежно и тихо.

– Танька сказала, что сын хотел вообще все отсюда выбросить. Молодые все сейчас такие.

– Можно ведь продать кое-что. – Стафеева вспомнила советы петербургского антикара. – Если в квартире не делали ремонт в течение пятнадцати лет, там вполне могут обнаружиться ценные вещи.

– Да неохота ему! А хранить этот хлам негде. Вот и представь себе, Наташка, живешь ты, живешь целую жизнь, делишь ее с какими-то важными и нужными предметами, бережешь их, протираешь тряпочками... Потом приходят наследники – и фьюить! – Аня махнула сигаретой с такой яростью, что чуть не выронила ее в сугроб. – И нет ни тебя, ни памяти о тебе. Только окрестные бомжи помянут тебя тихим добрым словом, когда пойдут в твоём пальто побираться.

Поэтическая речь Капитоновой отозвалась в Наташе тоскливой болью – будто нерв защемило. Она сразу вспомнила, как отнесла однажды старый пиджак на помойку – и увидела его спустя пару дней на старой спившейся даме: та вышагивала гордо, как в Шанели, и даже приколола на лацкан какую-то брошечку. Стафеева, глядя на возвращение пиджака, испытала сложносоставное чувство: с одной стороны, хорошо, если ненужная тебе вещь послужит еще кому-то, с другой – Наташе стало почему-то не по себе. Как будто бы это не вещь твоя, а часть тела передвигается в пространстве – причем новый хозяин может распоряжаться ею совершенно свободно. Чувство жалости и небывалая тоска свалились тогда на Наташу, и она дала себе слово впредь относить вещи на переработку, как бы ни подмывало бросить их в ближайший контейнер.

В квартире меж тем кипела работа – Лилька выбрала себе какие-то гэдээровские (Наташа не поняла, что это значит) тарелочки с цветами и золотой каймой (в микроволновку такие нельзя), Титания заканчивала паковать книги (их в квартире было много, но никаких жемчужин работники слова среди них не обнаружили – сплошь советский шлак и никому теперь не нужные классики) и уже поглядывала в сторону пластинок в полинявших конвертах.

– Наташка, тут вот «Гамлет» пятьдесят шестого года, детгизовский, нужен тебе? – спросила она у Стафеевой. Спросила без вопросительной ин-

тонацией, как бы констатируя факт – не нужен, мы все это знаем, так уж, для порядка спрашиваю.

Наташа взяла в руки потерянный томик. Перевод Пастернака, любимый. На обложке – унылый женственный Гамлет. Подпер щеку обеими руками, обдумывает – быть или не быть?

Титания забрала у нее книгу, погладила обложку пальцем и фыркнула:

– Ну надо же, как на Витьку похож!

Витька – сын хозяйки квартиры, первый муж Титании.

– Девочки! – воодушевилась Лилька. – А давайте погадаем!

– Я на «Гамлете» не гадаю, – сказала Стафеева. – Слишком опасно.

– Да не бойсь ты! Вот я наугад открою, ты скажи, какая строка сверху или снизу.

– Девятая. Сверху.

Лилька открыла книгу и под общий смех прочитала:

– Так погибают замыслы с размахом, когда-то обещававшие успех...

– ...от долгих отлагательств, – кивнула Наташа.

– Это нам всем знак, что надо работать и не отвлекаться, – сказала Титания. – Так берешь книгу, Стафеева?

Наташа почему-то кивнула. И разозлилась на всех сразу – даже на Шекспира. Зачем ей этот ветхий томик?

От злости потянула на себя ящик комода (или, может, буфета? Раньше это вроде бы так называлось) и чуть не задохнулась от отвращения. Там лежали волосы – отрезанные и сплетенные в косу.

– Подумаешь, – пожалала плечами Аня. – такое у многих есть. Можно сдать по объявлению, на парики.

– Нет! – тонким голосом крикнула Титания. – Никаких париков! Прихвати тряпкой вот так, чтоб рукой не касаться, – и в ту коробку, это на выброс.

Наташу все еще слегка подбрасывало от омерзения, оно бежало по позвоночнику, спускалось к ногам.

Хотя, если подумать, ну что такого? Чем эта отрезанная коса красивого, кстати, золотистого цвета, отличается от детгизовского «Гамлета»?

Стараясь не думать о том, какие еще бездны может таить в себе комод-буфет, Стафеева открыла другой ящик – и высвободила из плена палехскую шкатулку, на крышке которой красавица в красном платке явно намеревалась пойти навстречу своим грешным желаниям с молодым ямщиком, а рядом в нетерпении переминалась с ноги на ногу тройка тонконогих жеребцов.

– Титания, ты представляешь себе, почему нынче палех? – поинтересовалась Стафеева.

– Понятия не имею. Лучше скажи, с каких пор тебя интересуют старые вещи?

Наташа, не ответив, открыла шкатулку – там лежал змеинный клубок цепочек и бус, вроде бы золотые серьги, а еще совершенно новые запонки, прикрепленные к кусочкам картона, и кольца. Четыре кольца.

Раньше их, наверное, называли бы перстнями.

Первое было, судя по всему, из мельхиора – темный мягкий металл окружал затейливыми витками горбатый зеленый камень. «Таким удобно стучать кому-нибудь в спину, – подумала Стафеева. – Простите, пожалуйста, не могли бы вы...» Камень вроде бы похож на малахит, а впрочем, кто его знает.

– Змеевик, – сказала Лилька. – Ой, девочки, у моего Сереги продавался недавно календарь с камнями совершенно дивный!

Второе кольцо было широкое, как проволока от советского шампанского, и так же точно царапалось (Наташа потихоньку примерила его – и сразу же стащила с пальца, вспомнив о своей знаменитой брезгливости). Оправа напоминала кованую садовую решетку и обрамляла непрозрачную каменную каплю мятного цвета.

Третий перстень – с янтарем грушевидной формы, глядевшим из серебряной оправы, как из окна. Сверху торчали три маленьких цветочка. Это кольцо у хозяйки было самым любимым – судя по мелким царапинам и довольно заметному пятнышку рядом с пробой. Янтарь был живой, оттенка гречишного меда – и казалось, что если ударить по нему хорошенько, то камень треснет и польется оттуда сладкая вязкая жидкость.

В четвертое кольцо Наташа влюбилась. Хорошо ограненный голубой топаз поймал последний луч жалкого московского солнца – и подмигнул ей от души. Стафеева растерянно крутила кольцо в руках, не решаясь вернуть его на место, в шкатулку.

Кольцо как будто бы не хотело туда возвращаться! «Моя прелесть», – подумала Наташа, а вслух сказала:

– Ну вот эти кольца точно можно выгодно продать!
– Да не будем мы ничего продавать, я же объяснила! – разозлилась Титания. – Нравится – бери. Носи, продавай, мне все равно.

Но все-таки подошла, заглянула в шкатулку.

– А, это Витькиного отца работа. Он был ювелир-самоучка. Любил вот такие цветочки клепать.

– Но ведь красиво, – робко сказала Стафеева. – Красивые кольца.

– Ты нормально себя чувствуешь? – забеспокоилась Лилька. – Я на тебе отродясь никаких колец не видела, а это вообще какие-то дикие перстни из прошлого.

«Красивые», – упрямо думала Наташа.

Из квартиры они выбрались поздним вечером. Семен соблаговолил прибыть после десяти, уже после того, как разъехались грузчики (Титания подарила им гарнитур из четырех крепких стульев и тумбочку). Развез подруг по домам. Наташа прижимала к себе пакет, до краев набитый ненужными ей вещами, – к Шекспиру и шкатулке с украшениями (там были не только кольца, но и запонки, и мертвый узел цепочек, и золотые серьги: показалось неправильным их разлучать, как сестер в детдоме или близнецов в армии) добавился синий с золотом заварочный чайник (у Наташи были в ходу исключительно пакетики), стопка хрустальных розеток (варенье она не ела) и картинка с поломанной рамой, изображавшая грустную собаку.

Лилька несколько раз порывалась пощупать Стафеевой лоб, но та вырывалась, отшучиваясь.

– А как звали твою свекровь? – спросила Наташа у Титании, прежде чем расстаться.

– Марина Леонидовна.

Наташе ничего не сказало это имя с отчеством – что было, в общем-то, странно, потому что имена и названия с ней обычно разговаривали и вели себя откровенно, как старые подруги. Такие, которым не обязательно благодарить друг друга за помощь – она как бы сама собой разумеется, идет в комплекте.

Пакет с трофеями Наташа оставила в прихожей своей белой квартиры. Сначала хотела убрать его с глаз долой в шкаф, но потом передумала.

Вещи Марины Леонидовны не подходили к Наташиному жилью, к ее образу жизни, к самой Наташе. Но почему-то она захотела унести их с собой – а почему, это ей было неясно.

Хотела спросить у подруг, но застыдилась. Лилька и так издевается, Ане все равно, а Титании хватает забот с ремонтом и ослиной головой, твердо, судя по всему, настроенной на побег.

Ночью она никак не могла уснуть: представлялись то ковры, то цветы в горшках, но чаще всего кольца – катились по кругу, образуя еще одно кольцо. Сто раз, кажется, перевернула подушку на другую сторону, потом проветрила комнату (зеленая штора тут же забеременела, выставив тугой живот), попила воды, съела полпачки печенья – бесполезно, сон не шел.

Включила компьютер, залезла в файл с новым романом Боярышниковой – но не могла сосредото-

читься, не понимала сюжета, который, худо-бедно, в романе все-таки был. В полном унынии открыла фейсбук – и увидела там Боярышникова: он, судя по всему, вообще никогда не спал. «Сочиняет, поди, очередной шедевр», – злобно подумала Стафеева, и Боярышников, как будто услышав ее, тут же прислал сообщение: «Не спится, госпожа редактор? Может, встретимся на каникулах, обсудим правки, если они будут, конечно?»

Если будут!

«Конечно, встретимся, Андрей Валентинович. А скажите, у вас нет случайно знакомого, который разбирается в ювелирных украшениях?»

«У меня все есть! Вам купить или продать?»

«Проконсультироваться».

«Вы же знаете, я всегда рад помочь. Сейчас скину контактик».

Прислал номер телефона и фамилию: Золотой.

«Это не фамилия, а прозвище, – пояснил писатель. – Зовут его Саша. Он работает в ломбарде у трех вокзалов, объяснит, где искать».

Стафеева поблагодарила Боярышникова и обещала написать ему как можно скорее по поводу встречи. Потом вышла в прихожую и пнула пакет с вещами Марины Леонидовны, но он даже не упал.

На другой день Наташа вполне объяснимо спала почти до обеда. А проснувшись, впервые не почувствовала радости от своей пустой белой квартиры – той радости, которая сопровождала ее здесь каждое утро.

На звонок Саша Золотой ответил сразу. Голос у него оказался бодрым и очень молодым.

– Да! Здрасьте! С новым счастьем! Помню такого, да. Привозите. Да хоть сегодня привозите, я всегда работаю. Я раб лампы!

Наташа достала из пакета шкатулку, а потом, подумав, все-таки переложила кольца и сережки в кулечек с надписью «Счастливого Нового года!» – в нем лежала подаренная кем-то с работы свечка в виде елки, давно упокоившаяся на дне мусорного контейнера. А вот пакетик Стафеева промыслительного сберегла – и вот, пожалуйста, сгодился.

Автобус пришел быстро, на лицах пассажиров уже не было того глуповатого предвкушения счастья, которое посещает каждого из нас под Новый год. «Увидели свои подарки и все поняли», – подумала Стафеева, нащупав в кармане пуховика кулечек с кольцами. Вдавила его в ладонь.

Саша Золотой скрывался за бронированной дверью с глазком и домофоном – пришлось звонить и довольно долго ждать ответа. А когда толстенная сейфовая дверь открылась, Стафеева увидела перед

собой жаркого восточного юношу с чуточку плывущими к вискам глазами. Если посмотреть внимательно, заметишь, что юноша он уже лет двадцать как, но кто будет его внимательно разглядывать? Точно не Наташа.

– Заходи, показывай, – сказал Золотой.

Наташа дернулась, вспомнив присказку одного из своих давних ухажеров: «Раздевайся, ложись, закуривай».

– Кофе будешь? У меня растворительный, но очень хороший.

Золотой с удовольствием коверкал слова, шаркал при ходьбе ногами (был он почему-то в домашних шлепанцах) и взял Наташин кулечек с кольцами без всякого почтения.

– Точно не хочешь кофию?

– Ну давайте, то есть давай...

Через минуту она пила, обжигаясь, горькую черную бурду из страшной чашки, а Золотой сопел над кольцами Марины Леонидовны.

– Там еще сережки, – вякнула Стафеева.

Она еще утром решила, что если сможет продать украшения, то честно отдаст все деньги Титании – той вечно не хватало средств для ублажения ослиной головы. А почему она так упрямовствовала, не желая брать «ничего из этого дома», Наташа поняла еще ночью, во время затяжного бодрствования: Марина Леонидовна не любила Титанию, и та из суеверия считала, что эти вещи не принесут ей ничего, кроме беды. Титания наделяет каждую вещь душой, думала Наташа, но это бред, никакой души у вещей нет – она и у нас-то не факт что имеется. И если так рассуждать, тогда и квартиру не нужно было принимать в дар: из этого дома не возьму, а сам дом – возьму, так, что ли? Но квартира-то не ей досталась, а сыну, спорила сама с собой бессонная Наташа. И не просто квартира, а московская – понимать надо.

А вот деньги, вырученные за украшения, будут просто деньгами, надо только подумать, как всучить их Титании.

Лилька подскажет! Она в таких делах больше разбирается.

На том Стафеева и уснула в ту ночь и видела во сне какую-то незнакомую женщину с очень строгим взглядом – это была, по всей видимости, Марина Леонидовна, сотканная Наташиным воображением из бессонницы и нервного перенапряжения.

– Шляпа, – сказал Золотой, бросив сережки обратно в пакетик.

– В смысле? – Наташа не поняла, что значит «шляпа», а когда она не понимала значение какого-то слова, то впадала в панику.

– Ну никакой ценности не имеет. Это не золото.

Он выдвинул ящик стола, достал оттуда полиэтиленовый пакет, битком набитый обручальными кольцами.

– Вот, бери.

– Не надо мне! – Наташа так напугалась, как будто Золотой внезапно предложил ей руку и сердце (и двести, навскидку, обручальных колец в придачу).

– Да не бойсь! Просто ощути, как золото лежит в руке. Оно совсем по-другому чувствуется. Вот, возьми теперь свою сережку.

– Она не моя, – глупо сказала Наташа, но сережку все-таки взяла и взвесила ее на ладони, как велел Саша.

Действительно, разница. Обручалка лежала увесисто, значимо. Сережка была невесомой и легкомысленной, как мечта о свободной жизни без всяких вещей.

– Так, теперь эти... – Золотой разложил перед собой перстни Марины Леонидовны. Витое, с зеленым камнем, забраковал сразу: – Это даже не серебро. Вот эти серебряные, но много ты за них не выручишь. Камни несерьезные.

– А как отличить серебро? У вас же какие-то приборы должны быть для этого.

– Я сам себе прибор! – жарко хохотнул Саша и снова помолодел. – Понюхай вот это колечко. – Он протянул ей перстень с топазом, тот, полюбившийся.

Она понюхала.

– Чувствуешь кислинку?

– Вроде бы да. Чувствую.

– А теперь вот это понюхай.

Наташа покорно взяла витое колечко, и у него действительно был совсем другой запах.

– В общем, я не советую все это продавать. Оставь себе как память.

– Какую еще память?

Золотой взглянул удивленно:

– Ну это же чьи-то! Работа неумелая, но с душой. И они любимые, видишь, их часто носили.

...Сдирали с пальцев поспешно – когда приходишь домой уставшая и мечтаешь только о том, чтобы принять душ и упасть в постель. Надевали, подбieraя к платью. Специально подносили к солнечному лучу, прокравшемуся в комнату, чтобы любоваться игрой света. Роняли и поднимали. Забывали и находили. Хотели подарить или передать кому-то по наследству – но кому? Сын умер, невестка – гадина, внуку такие точно ни к чему.

Снега больше не было, под ногами чавкал растаявший бурый шербет. Наташа целую вечность шла к метро, перебирая в кармане кольца. Она не знала, что будет с ними делать теперь, когда ей точно известно – у них нет цены. Носить их она точно не станет, но просто сберечь для чего-то или кого-то? Сделать это в память о неизвестном человеке, который прожил целую жизнь и оставил о себе целую гору никому не нужных вещей?

Такая же гора останется после каждого из нас – накопленные, подаренные, купленные, найденные вещи.

После всех – кроме Наташи Стафеевой.

Хрустальные розетки, запонки, отбракованные сережки, синий заварочный чайник, картинку с собакой в поломанной раме она отвезет своей маме: мама решит, что с этим делать.

А кольца, наверное, все-таки оставит себе. С неизвестной целью.

Наташа довольно долго думала об этом, разглядывая башенки Ярославского вокзала. А потом подошла к ближайшей урне и бросила в нее кольца, даже не достав из пакета.

Урна была пустой, и пакет, приземлившись, звякнул.

